

«Самый смешной писатель Европы»
The Times

АНТТИ ТУОМАЙНЕН

ТЕОРИЯ

БОБРА

ТРИЛОГИЯ «ФАКТОР КРОЛИКА»
КНИГА 3

Антти Туомайнен

Теория бобра

Серия «Фактор кролика», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70022326

Теория бобра: Синдбад; Москва; 2023

ISBN 978-5-00131-536-0

Аннотация

В заключительной части трилогии «Фактор кролика» главный герой – бывший страховой математик Хенри Коскинен, волею случая ставший владельцем парка приключений, – снова оказывается в сложной ситуации.

После переезда к возлюбленной Лауре и ее дочери-школьнице Туули его твердая вера в здравый смысл и порядок подвергается жесточайшему испытанию...

В то же время против него начинает «боевые действия» криминальный владелец конкурирующего парка приключений, действующий без оглядки на закон...

Может, в этот раз спасительной станет «теория бобра»?

Содержание

Сейчас	5
Девятью днями раньше	14
1	14
2	24
4	50
5	55
6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Антти Туомайнен

Теория бобра

Моему отцу Ээро

*И еще – с благодарностью национальной
экономике Финляндии*

Antti Tuomainen
MAJAVATEORIA

Copyright © Antti Tuomainen, 2021

Published by agreement with *Salomonsson Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-
ческая фирма «Корпус Права»*

Дизайн обложки © Elina Warsta / Solmu design

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2023

Сейчас

Ночью в парке «Сальто-мортале» пахнет так же, как и в моем собственном парке приключений «Заходи, здесь весело», – металлом и пластиком от механизмов и конструкций, чистящими и дезинфицирующими средствами; из кафе доносится легкий аромат еды и кофе. Шелестит вентиляция, холодный северо-восточный ветер, подвывая, гоняет снежинки по улице и проверяет на прочность стены игрового павильона, склепанного из стальных листов. И больше никаких звуков – тишина.

Не могу сказать, что чувствую себя в своей тарелке.

Я актуарий – страховой математик, а не вор. И пробрался в новый парк приключений, ставший конкурентом нашего, просто чтобы... раздобыть кое-какую информацию, которую не удалось получить другим путем. Впрочем, наверное, и это своего рода кража? Интересно, какими доводами руководствуются настоящие воры-домушники? Тоже, прежде чем пойти на дело, изучают планы домов, уговаривая себя, что возьмут только то, что не сумели добыть легальным путем?

Я делаю глубокий вдох. Сейчас не время для подобных размышлений. Напоминаю себе, что владелец «Сальто-мортале» за свою недолгую карьеру успел пригрозить мне физической расправой и прямым текстом заявил, что разорит

парк, причем в ближайшее время.

Через окна под потолком в помещение просачивается свет уличных фонарей, тускло мерцают зеленым указатели эвакуационных выходов, на западной стене павильона виднеется блеклый солнечный диск – светящийся логотип «Сальто-мортале». С каждой секундой мои глаза все лучше приноравливаются к темноте. Я начинаю различать аттракционы; окружающее пространство расширяется; предметы отделяются друг от друга, обретая очертания и объем.

Со своего прошлого посещения я неплохо помню топографию этого места. И, разумеется, не забыл о том, что мне было четко сказано не совать сюда свой нос.

Узнаю аттракционы. Прямо передо мной – «Кенгуриные скачки», рядом «Слоновья ферма» с плюшевыми автомобилчиками, высоченная «Эйфелева башня» для прыжков и прочие развлечения. Я по-прежнему не понимаю, как «Сальто-мортале» удастся пускать посетителей на такие замечательные аттракционы совершенно бесплатно. В свете известных мне фактов это не что иное, как попытка поскорее обанкротить компанию – если только за предприятием не стоят люди, которые денег не считают. Ни тот ни другой вариант вероятным не выглядит.

Разумеется, я пока делаю только первые шаги на поприще незаконного проникновения на частную территорию. Но отмечаю, что как минимум обувь я выбрал удачно. Недорогие домашние туфли из немецкого супермаркета – яркие, наряд-

ные и вдобавок на толстой мягкой подошве. Я ступаю совершенно беззвучно. Моя первая цель находится в восточном конце парка приключений: офисное крыло за скалодромом «Мартышки». Разумеется, я не надеюсь найти на рабочем столе директора отчет, с исчерпывающей точностью объясняющий, каким образом «Сальто-мортале» собирается добиться невероятного, получив прибыль от работы в убыток. Тем не менее хочется верить, что по окончании моей разведывательной операции я буду знать больше, чем до нее.

Обхожу «Мартышек», где царит полная тишина. Скалодром сделан из мягкого пластика, к тому же электропитание на ночь отключено – кто полезет на «скалу», когда не с кем состязаться?

В офисное крыло я поднимаюсь по короткой лесенке. На ее верхней площадке виднеется дверной проем, но нет ни двери, ни портьеры. За ним – что-то вроде вестибюля. Напротив входа – ряд окон, за которыми находится совещательная комната. Захожу в нее и осматриваюсь.

В центре по диагонали стоит длинный серый с белыми вставками офисный стол, в отдалении выстроились темно-синие пластиковые стулья. Другой мебели нет, если не считать флипчарт в углу. Я подхожу к нему, просматриваю исписанные листы.

Одна из страниц явно посвящена выбору обеда. Победила тайская еда, набрав четыре голоса; за бургер проголосовали трое. Продолжаю переворачивать страницы, пока не до-

бираюсь до первого чистого листа. С минуту размышляю и возвращаюсь к предыдущей странице. Чем-то она привлекла мое внимание.

Вверху указан только что наступивший год. Ниже, в столбик, месяцы. Напротив текущего – января – стоит число 100. Напротив февраля – 0. Числа напротив следующих месяцев имеют знак минус:

Март – 100

Апрель – 200

Май – 300

И так далее по нарастающей вплоть до декабря (–1М).

Что бы эта таблица ни означала, она привлекает внимание по крайней мере четкостью и последовательностью. Я возвращаюсь в вестибюль.

Короткую стену справа украшает плакат с пейзажем национального заповедника, что выглядит несколько странно, поскольку персонал парка приключений, с которым мне уже довелось встретиться, мало похож на туристов-романтиков. В левой стене вижу две двери.

Первая не заперта и открывается, как все обычные двери, простым поворотом ручки. Помещение скорее напоминает склад, чем офисный кабинет. Чего тут только нет – от телевизионной панели в заводской коробке до овсяного печенья в оптовой упаковке.

С минуту я верчу головой, поражаясь, какими приземленными и лишенными фантазии оказались люди, которые так

грубо со мной обошлись и теперь угрожают существованию моего парка. Судя по всему, следующее помещение, последнее из неосмотренных, и есть их мозговой центр.

Стол завален бумагами вперемешку с инструментами. На одной стопке документов валяются испачканные в машинном масле плоскогубцы, другую венчает одинокая грязная рабочая перчатка. Пары к ней не видно, во всяком случае, на первый взгляд. Как и отчетов, которые меня интересуют в первую очередь. Обойдя стол, я уже собираюсь приступить к более обстоятельным поискам, как вдруг меня охватывает, заставляя замереть, волна паники.

Во-первых, сердце у меня колотится так, что кроме него, я ничего не слышу.

Во-вторых, я зажигаю карманный фонарик, а ведь жалюзи опущены не на всех окнах.

Выключив его, я стараюсь успокоить дыхание. Но такое впечатление, что грохот внутри меня становится только громче. Я уже говорил, что промышленный шпионаж – не самая сильная моя сторона. Наконец стук сердца перестает походить на барабанный бой. Пытаясь понять, что меня так взволновало, и перемещаюсь к двери кабинета.

Направление верное, хотя бы потому, что со стороны игрового павильона доносится какой-то звук, и я понимаю, что уже слышал его раньше. Жду. Тишина. Бесшумно пересекаю вестибюль, останавливаюсь у дверного проема перед лестницей и снова жду. Долго. Но звук все не повторяется. Застыв

в дверном проеме, я обвожу глазами парк слева направо.

«Эйфелева башня», рядом, чуть пониже ее, «Кенгуриные скачки», плюшевые машинки-слоники и...

«Бобр».

Восемнадцатиметровый «Бобр» с его многочисленными аттракционами, среди которых огромная плюшевая плотина и надувной замок с батутом и горками, – жемчужина «Сальто-мортале». Гигантский зверь возлежит на брюхе в центре парка приключений, но с моей точки обзора выглядит всего лишь крупным грызуном, частично закрытым башней для прыжков. Зато мне видна его пасть. Огромные белые резцы поблескивают даже в полумраке. Но не они привлекают мое внимание.

На земле, под ними, что-то темнеет.

Оно не шевелится. Пасть бобра слишком далеко, чтобы я мог рассмотреть, что именно он намеревается сожрать. Разумеется, «Бобру» из стали и пластика не оставили на ночь никакого корма, но создается впечатление, что сегодня ему есть чем перекусить. Едва оторвав взгляд от пасти, я краем глаза замечаю движение. Словно от лежащего под ней сплошного темного предмета отделяется часть. В следующий момент я понимаю, что произошло.

Это сползает с груди на пол рука. Рядом с рукой я уже различаю ковбойскую шляпу.

Сердце снова рвется из груди, в ушах гремит, как на обочине оживленной автомагистрали. Задача элементарная, пе-

ременных в уравнении мало: кто-то ранен и нуждается в помощи, а в такой ситуации неважно, в каком качестве я оказался на месте происшествия: страхового математика или кого-то еще (в том, что я вор, я и сам пока что не уверен). А поскольку больше никого поблизости не видно, помочь этому несчастному должен я. Решение уравнения очевидно.

Я бросаюсь вперед.

Чтобы добраться до «Бобра», приходится сделать довольно большой крюк, поскольку путь преграждают другие аттракционы. Шаги мои по-прежнему бесшумны. Наконец я обхожу одну из опор «Эйфелевой башни» и попадаю чуть ли не в пасть к «Бобру». Но, прежде чем оказаться между резцов у грызуна, я успеваю остановиться и даже отступить на шаг назад.

Наряд обитателя Дикого Запада мне знаком: ковбойские сапоги, джинсы, вышитая ковбойская рубашка-родео, и галстук-шнурок с блестящим орлом. Я знаю этого человека, знаю, как его зовут. Это владелец парка, в котором я сейчас нахожусь. Я встречался с ним, высказал ему все, что думаю о его манере ведения бизнеса, и настоятельно порекомендовал ее поменять. А главное, сказал при свидетелях, что не намерен отступать и буду отвечать на их агрессивные действия так, как сочту нужным. И сделаю все, что нужно, чтобы защитить свой парк приключений.

И вот этот человек неподвижно лежит передо мной. Не шевелится. Его глаза открыты. Рот – тоже. Но он не пуст. Из

него торчит полуметровый пластмассовый рожок мороженого. Острый, вероятно, стальной конец рожка уходит глубоко в горло. Дурацкая мысль: похоже на неудачную рекламу мороженого. Я уже собираюсь сделать шаг – сам не знаю, вперед или назад, – когда сзади слышится истошный вопль:

– Убийца!

Крик доносится со стороны главного входа. Одновременно я замечаю бегущего человека.

Как много можно успеть за одно короткое мгновение. Я смотрю на лежащего у моих ног мужчину, краем глаза поглядываю на бегущего, узнаю это синее лицо и делаю вывод: ситуация складывается для меня неблагоприятно. Поворачиваюсь, чтобы броситься наутек, когда до меня доносится звук шагов с другой стороны.

– Полиция! Стоять!

Я продолжаю поворот и – наконец-то! – действительно срываюсь с места. Мчусь к черному ходу, через который вошел. Успеваю подумать о двух вещах: о балаклаве на голове и о грузовой авторампе, прислоненной к стене снаружи. Балаклаву я надел, чтобы скрыться от камер видеонаблюдения. Как нельзя кстати.

А рампа...

– Держи его! – слышится сзади, причем я уверен, что и этот голос мне знаком. – Убийца!

Добегаю до двери, толкаю ее и захлопываю за собой. И, не сбавляя ходу, хватаю рампу и пихаю между перилами по-

грузочной площадки и дверью. Это мне удастся в последний момент, когда в дверь уже кто-то ломится. Изнутри колошат, пытаюсь ее разломать. Грохот усиливается, но голоса звучат все тише, так что слов уже не разобрать. Да мне и незачем. Ситуация однозначная, а вывод из нее безжалостен в своей очевидности: если меня схватят или хотя бы узнают, то отвечать мне придется не только за проникновение со взломом.

Я – убийца.

Девятью днями раньше

1

Морозный январский день. Бледный свет зимнего низкого солнца упал мне на лицо, когда я пересек пустую гостиную, открыл дверь и ступил на балкон. Холод радостно принял меня в свои объятия. Чистый снег мерцал и искрился, деревья в своих снежных уборах стояли неподвижно. Где-то вдалеке с грохотом проехала снегоочистительная машина. Я сделал глубокий вдох, скользя взглядом по знакомому пейзажу. Аккуратные кубики домов не оставляли сомнений в их исключительной энергоэффективности, рациональности архитектурных решений и оптимальном соотношении цены и качества в пересчете на квадратный метр. Да, так было всегда, и до настоящего момента я и сам добивался таких же показателей.

Это был мой последний день в Каннельмяки.

Руки чуть дрожали – просто от усталости, уговаривал я себя, после упаковки и перетаскивания бесчисленных вещей, их бесконечного перекладывания туда-сюда, беготни вверх и вниз по лестнице и попыток упихнуть невпихуемое в коробки, тюки и свертки. Но это была лишь часть правды. Шесть с небольшим месяцев назад меня вынудили уволиться из стра-

ховой компании, где я работал актуарием в отделе оценки рисков. Эта профессия мне нравится до сих пор, но я оказался в ситуации, когда пришлось выбирать: смириться с ежедневными издевательствами и понижением в должности или уйти по собственному желанию. Я выбрал второе. И почти сразу на меня свалилось наследство от скоропостижно скончавшегося брата: парк приключений. А вместе с ним и долги, которые братец наделал, связавшись с отъявленными бандитами. Дальше пошло-поехало и привело к трупам в морозильной камере, к тому, что я влюбился в искусство, а заодно и в художницу, был вынужден защищать парк от нечистоплотного инвестора и разнокалиберных уголовников, что, в свою очередь, повлекло появление новых трупов, воскрешение брата из мертвых и много что еще. И вот теперь я стоял на пороге обретения семьи – впервые со времен моего не слишком счастливого детства и одинокой юности.

Все произошло очень быстро. (Я знаю, многие произносят эту фразу после того, как совершили грандиозную ошибку – вложили все сбережения в акции производителя электромобилей или устроили по пьяни гонки на скоростной автострасе, – и чаще всего уже тогда, когда им может помочь разве что машина времени.) К счастью, я немного привык к тому, что многое в моей жизни происходит со скоростью метеора и к тому, что мне все чаще приходится принимать решение, когда поезд уже мчится на всех парах.

Мой метеор и по совместительству поезд зовется Лаура

Хеланто.

Мы встретились с ней в парке приключений, где Лаура работала управляющей с тех пор, как вышла из тюрьмы, куда попала за соучастие в хитроумных финансовых махинациях своего бывшего парня. Быстро выяснилось, что должность управляющей для нее просто способ заработать на жизнь себе и дочке. А на самом деле Лаура Хеланто художница, и ее искусство оказывает на меня удивительное воздействие. Его нельзя сравнить ни с чем, что мне довелось испытать за свою жизнь, и оно не вписывается ни в какую известную мне математическую формулу. Дальше оказалось, что и сама Лаура Хеланто способна оказывать на меня воздействие, причем даже более сильное, чем ее искусство. И вот теперь появились свидетельства того, что и Лауре не чужды подобные мысли и чувства в отношении меня.

И все же...

Я снова глубоко вдохнул. Чистый зимний воздух обжигал горло и приятно освежал легкие, но не убирал ни дрожи в руках, ни тем более ее причины. Передо мной предстало все безрассудство того, что я затеял. Нет, я, конечно, не пошел по стопам Паскаля или Евклида, как когда-то собирался. Но сколько раз мы с моим котом Шопенгауэром поражались безрассудству и опрометчивости людей, их неосмотрительным, необдуманым поступкам, их решениям, корректность и целесообразность которых не просчитана загодя и не проверена многократно. А что же затеваю я сам?

Январь напомнил о себе. Несмотря на слепящее солнце, холод пронизывал: сначала одежду, потом кожу, потом пробирал до костей. Я еще раз окинул взглядом все, с чем мне предстояло попрощаться. Потом возвратился в дом, прошел по гулкому пустому помещению, тщательно затворил входную дверь и сел в грузовик, дожидавшийся меня во дворе.

Водитель оказался плотным молодым человеком с пухлыми руками, одетым, несмотря на зиму, в футболку с короткими рукавами. Он непрестанно приглаживал свои выющиеся волосы, даже таская по лестнице вещи. Я дважды заставал его в ванной, где он, снеся по лестнице одни коробки и поднявшись за другими и еще не отдышавшись, приводил в порядок волосы перед зеркалом. Вообще-то, заказывая машину, я уже сообщил адрес доставки, но теперь, когда мы остановились на светофоре, водитель почему-то снова вернулся к этой теме.

– Херттониemi – классный район, – сказал он, взглянув на меня.

Это пробудило меня от задумчивости. Возможно, пустая болтовня, которую я вообще-то не очень люблю, отвлечет меня от невеселых раздумий и поднимет настроение.

– Мне он тоже нравится, – сказал я. – Отличное транс-

портное сообщение, качественное и оправданное по стоимости жилье, неплохая планировка квартир – все по линейке и функционально. Да и стоимость недвижимости вряд ли упадет, а может, и подрастет как в средней, так и в долгосрочной перспективе.

Я перевел дух, поймал взгляд водителя и добавил:

– Разумеется, при условии, что макроэкономическая ситуация в целом останется прежней.

Водитель молчал. Затем с явным усилием оторвал взгляд от меня и посмотрел вперед на дорогу.

– Я, пожалуй, для начала выгружу коробки с книгами, – сказал он. – Скоро приедем.

Мы съехали с Итявяюля на кольцевую развязку, сделали по ней почти полный круг и в последний момент свернули в так называемый Старый город, затем – почти сразу налево, миновали супермаркет и парковку и двинулись направо по круто поворачивающей дороге. Наш короткий и малосодержательный разговор иссяк, мы молчали – то ли уже ослабились, то ли о районе Херттониemi сказать больше было нечего. Водитель, похоже, не нуждался в советах, как лучше проехать к нужному дому.

Дорога шла в горку. Мы добрались до самого верха, почти до конца дороги, свернули еще раз налево и, поднявшись по довольно круто забиравшему вверх проезду во дворе, остановились перед домом. Теперь мы находились в самой высокой точке этой части города, что одновременно означало –

мы на месте.

Водитель заглушил двигатель.

Я открыл дверь, вышел на улицу, оказавшись посреди заснеженного двора, и в ту же минуту у меня исчезли сомнения в целесообразности этого предприятия.

И не только потому, что, взглянув наверх, я увидел на фоне темного вечернего неба знакомые окна на третьем этаже, излучающие тепло и уют. И не потому, что вспомнил, как ловко мне удалось реструктурировать задолженность Лауры Хеланто перед жилищным кооперативом за замену труб в квартире и согласовать с банком умеренную фиксированную ставку по долгосрочной ипотеке, которая, с учетом квартплаты, позволит нам не влезать в долги в будущем.

Нет.

Причина моего спокойствия заключалась в том, что произошло дальше.

Лаура Хеланто вышла из подъезда, открыла дверь, зафиксировала ее, накинув металлическую петельку на специальный столбик, и направилась в мою сторону. Чем ближе она подходила, тем яснее я понимал, что меняю не место жительства. И не просто перевожу вещи в новую квартиру (хоть мне и предстояло через минуту приступить к их перетаскиванию по каменным ступеням на третий этаж, стараясь не шуметь и избегать ударов по металлическим перилам, которые в ответ грохочут и долго вибрируют). Я меняю свою жизнь на лучшую, переезжаю в будущее.

Да, моя жизнь поменялась.

Я смотрел на Лауру Хеланто и испытывал такую же радость, какую излучала она. Мне нравились ее красота, ее волосы, похожие на разросшийся пышный куст, ее пыливый взгляд из-за дымчатых очков, немного ассиметричные пухлые губы и заметно угловатый подбородок, но больше всего – ее практическая сметка. Порой у меня складывалось впечатление, что она во всем на несколько шагов опережает меня, как будто читает мои мысли и заранее знает, что, когда и по какому поводу я подумаю. Неизвестно, заметила ли Лаура глобальные изменения в ходе моих мыслей, но слова она произнесла правильные:

– Добро пожаловать домой, Хенри.

Следующие полтора часа мы носили вещи. Водитель отлично поработал. Однако должен признать, что его короткая беседа с Лаурой Хеланто меня немного обеспокоила. Похоже, он так и не обрел полной ясности относительно Хертониemi, потому что пытался завести с Лаурой разговор об этом районе примерно в тех же выражениях, что ранее со мной. Они с Лаурой обменялись мнениями по данному вопросу, приводя аргументы скорее эмоционального, нежели логического порядка, но оба, казалось, остались довольны результатом дискуссии. Сразу по ее завершении водитель прошелся по квартире, но никоим образом не выразил готовности продолжить обсуждение предмета со мной. Напротив, он быстро захлопнул за собой дверь прямо у меня перед

носом и, судя по частоте шагов, эхом отдающихся на лестничной площадке, стремительно скрылся с места событий.

С картиной – уравниением Гаусса, взятым в рамку, – я зашел в комнату, где Лаура уже расставляла мои книги в нашем общем книжном шкафу. В этот момент дочка Лауры, Туули, вышла из своей комнаты вместе с Шопенгауэром, и они присоединились к нашей компании. Тут я волновался зря. Похоже, Туули и Шопенгауэр легко сошлись друг с другом, и разница в возрасте не стала препятствием к их общению. Шопенгауэр отнесся к своей новой подруге с теплом и приязнью, хоть она и говорила гораздо больше, а двигалась несравненно быстрее, чем любое человеческое существо, которое коту доводилось встречать прежде.

Была ночь, Лаура уже крепко спала, прижавшись лбом к моему плечу, но ко мне сон никак не шел. В голове роились образы, и далеко не все из них были приятными. То за мной кто-то гнался, то я сам пытался утопить убитого мной бандита в темных водах небольшого озера, то из глубины подсознания возникал Пентти Осмала, старший следователь подразделения полиции Хельсинки по борьбе с организованной преступностью и экономическими преступлениями, подозревающий меня во всех смертных грехах. То вдруг мне

являлся Юхани, мой брат, умерший, затем восставший из мертвых и попытавшийся сместить меня с должности директора парка приключений, а потом и вовсе куда-то пропавший. В памяти всплывали и другие события и ситуации последних месяцев, выпутаться из которых мне удалось только благодаря математике и еще чему-то трудно определимому – как я понял, люди в связи с этим обычно прибегают к слову «любовь».

Я слушал гул зимнего ветра в вентиляционных трубах и ровное, спокойное дыхание Лауры. Правая рука начала затекать, но мне не хотелось беспокоить жену. Мне вообще ничего не хотелось, и в первую очередь шевелиться. Нравилось просто лежать. Кошмары начали потихоньку рассеиваться, и вместо них явились более приятные воспоминания – наше первое свидание и все, что последовало за ним. Непрогнозируемые и неоправданные риски, с этим связанные, не казались мне теперь такими уж значимыми. С сегодняшнего дня, когда мы вместе распаковывали коробки и обустроивали наш общий дом, все изменилось. Потом и эти чудные картины куда-то исчезли, и я ощущал только исходящее от Лауры тепло.

Я вернулся домой – это была последняя мысль перед тем, как провалиться в сон. Да, я, наконец, достиг тихой гавани – в прямом и переносном смысле. (Разумеется, как математик, я даже в сумеречном полусонном состоянии все же понимал, что ничего нельзя утверждать со стопроцентной уве-

ренностью: при страховании жизни, например, этот фактор всегда учитывается.)

Эта мысль согревала меня и была такой же осязаемой, такой же реальной, как и спящая рядом Лаура Хеланто.

Я в безопасности.

Мне больше ничто не угрожает.

– Родительское собрание начинается в шесть, – сказала Лаура. – И лучше, если ты придешь туда без четверти. Я и сама, разумеется, сходила бы, но у меня как раз в это время интервью и осмотр помещения в Отаниеми. Если я получу этот заказ, то на ближайшие полгода буду обеспечена работой.

Я повторил Лауре еще раз, что мне все совершенно понятно и что теперь мы семья, поэтому делим между собой семейные обязанности так, чтобы обоим было хорошо. И что Лауре незачем больше волноваться, с собранием все будет в полном порядке. Я хотел ей напомнить, что выпутывался и из худших передрыг, когда эту мысль вытеснила другая, куда более здравая. Все это уже в прошлом и быльем поросло. Не надо обсуждать в семье дела, тем более, проблемы парка и даже поминать их всуе.

Лаура сидела за столом напротив меня, позвякивая ложечкой в большой желтой кружке утреннего кофе. На улице было еще темно. Туули ушла в школу несколько минут назад, а я собирался на работу в парк приключений. Наступил понедельник, что означало еженедельное утреннее совещание с сотрудниками, и я хотел убедиться, что подготовил все необходимые материалы. И мне следовало прийти в парк за-долго до начала совещания.

Я встал из-за стола и принялся убирать посуду.

Заполнение посудомоечной машины – приятная математическая задача, позволяющая оптимизировать пространство и прикинуть наиболее эффективное расходование воды, равномерно, с аккуратными промежутками раскладывая посуду. Даже одна неверно поставленная миска, кастрюля или обычная тарелка может существенным образом повлиять на результат мойки. Я, конечно, не стал подробно расписывать процесс Лауре, когда объявил ей, что с этого момента беру на себя хозяйственные заботы – такой порядок устроил ее без лишних объяснений.

– Ну как тебе вообще? – спросила Лаура.

Я взглянул на нее через стол, над которым висел металлический колпак абажура. Вдали, за спиной Лауры, просыпался раскинувшийся на берегу район Арабианранта – полоска света на другой стороне залива тянулась по всей ширине окна. На Лауре были серые спортивные штаны и просторная голубая толстовка, на ногах – розовые шерстяные носки. Я был готов к выходу на работу – темные брюки, выглаженная белая рубашка и галстук в синюю и серую полосу.

– В каком смысле? – спросил я, пристраивая стаканы в аккуратный плотный ряд, но не забывая оставлять между ними необходимые зазоры.

Лаура взглянула на меня и улыбнулась.

– Даже не заметил? – сказала она. – Ты переехал.

– Это неоспоримый факт, – согласился я, раздвигая ножи

и вилки в корзинке посудомоечной машины. – По-моему, это было очень удачное решение.

– Приятно слышать.

Общаясь с Лаурой Хеланто, я понял, что в таких случаях ожидают аналогичных встречных вопросов. В предшествующей жизни мне как-то не приходило в голову их задавать, потому что я не понимал, что потом делать с информацией о недавних поступках людей, которых я знал поверхностно, не говоря уж о людях вовсе незнакомых, и со сведениями о том, как они, что называется, поживают. Но с некоторых пор я заметил, что чувства и мнение Лауры Хеланто меня очень даже интересуют, поэтому спросил:

– Ну а ты как, какие впечатления?

Лаура проглотила свой кофе, – как мне показалось, быстрее обычного.

– Я тоже думаю, что это было весьма удачное решение, – ответила она и засмеялась, уж не знаю почему.

Лаура продолжала смотреть на меня. Я с удовольствием и дальше продолжил бы эту беседу, но меня отвлекали размышления о том, как правильнее расставить в посудомойке пластиковые контейнеры, и еще мне казалось, что секундная стрелка настенных часов подталкивает меня к дверям.

– Мы, разумеется, и раньше это обсуждали, но... – сказала она, помедлив. – Все, что произошло... Я очень надеюсь, что с этого момента все станет... как-то безопаснее... Вернее, все будет безопасно.

Ну да, я понял, что имеет в виду Лаура.

– Парк приключений пережил тяжелые времена, – произнес я. – Но все уже позади: работа идет, у всех прилив энтузиазма. Количество посетителей стабилизировалось, финансовый оборот тоже. Вскоре мы сможем подумать о новых инвестициях. К тому же теперь все мы здесь, вместе, – ты, Туули, я. На жизнь у нас уходит не очень много денег, да и вообще расходы умеренные. Залог нашей материальной стабильности – разумное и долгосрочное планирование семейного бюджета и его исполнение. Как страховой математик, я не могу ничего гарантировать стопроцентно, за исключением, разумеется, очевидного, но мне кажется, что наш так называемый запас прочности не просто достаточный, а имеет тенденцию к росту.

Лаура задумалась. А потом улыбнулась.

– Спасибо, Хенри, – сказала она и протянула мне свою кружку из-под кофе.

Я поставил кружку в машину на заранее приготовленное для нее место. Затем включил посудомойку и после краткого проявления нежности отправился в парк приключений.

Мне предстояло освоить новый путь на работу. Я проехал на метро до станции Итякескус, где планировал пересесть

на автобус, что, конечно, и сделал. Но автобус, на котором успел бы прибыть в парк до начала рабочего дня, все-таки пропустил. Я не привык опаздывать, тем не менее постарался получить удовольствие от новых пейзажей и неспешного северного рассвета за окном, успокоив себя тем, что маршрут мне незнаком и всегда полезно посмотреть на что-то новое.

Наконец я вышел из автобуса и быстрым шагом двинулся вперед. Дело было не только в том, что приходилось торопиться на собрание, и не в десятиградусном морозе со свежим северо-западным ветром. А в том, что перед этим я брал отгул, так что меня не было на работе с середины пятницы, в то время как обычно я навещался в парк даже в субботу и воскресенье. Но я не был в парке так долго не только из-за переезда к Лауре Хеланто. Просто, как выяснилось некоторое время назад, все сотрудники неплохо справлялись со своими непосредственными обязанностями, более того, они уже не боялись брать на себя ответственность и за другие вещи. В какой-то момент, примерно тремя неделями раньше, я понял, что парк функционирует как надо даже без моего неусыпного надзора. Все работает как часы, многие вопросы решаются без моего участия, люди трудятся не за страх, а за совесть, и мне даже пришла мысль, что пора подумать о повышении им зарплаты – как только позволит финансовая ситуация.

Я перешел дорогу и продолжил путь через засыпанную

снегом парковку. Дойдя до входа, обернулся и посмотрел назад. «Странно, почему я оглянулся», – мелькнула мысль. Потом я сообразил, что привычка постоянно оборачиваться выработалась у меня в то время, когда мне приходилось опасаться за свое здоровье и даже жизнь. Я еще раз окинул взглядом автостоянку, констатировал про себя, что она пуста, как это обычно бывает в понедельник днем, открыл дверь своим ключом и вошел.

Пока я обходил поезд «Варан», «Клубничный лабиринт», «Пончик» и прочие до мелочей знакомые аттракционы, мои ноздри приятно щекотал запах свежих булочек и кофе. Наше самое новое и масштабное приобретение – «Прыжок лося» – гордо возвышалось посреди парка. Рога лося поднимались на высоту башни для прыжков, а темные бока поблескивали, как борта небольшого корабля. Куда бы ни падал взгляд – будь то оборудование, пол, стены или что-то еще, – все сверкало чистотой. Я с благодарностью подумал о Кристиане, который теперь отвечал за организацию уборки и санитарное состояние. Павильон благоухал чистотой, чем, вероятно, отчасти объяснялось, почему ароматы, доносившиеся из «Кренделька», казались такими аппетитными.

До начала утреннего совещания оставалось несколько минут. Я вошел к себе в кабинет, включил компьютер, нашел нужные документы и отчеты и отправил их на принтер. Глянул в окно со своего второго этажа, поправил галстук, взял бумаги и отправился в комнату для совещаний.

Совещательная у нас была новая, она появилась по инициативе Кристиана. Из множества его предложений по реконструкции и улучшению всего подряд это выделялось своей реалистичностью. Кристиан собственноручно соорудил перегородки, отделившие новое помещение от склада. Наш директор по маркетингу Минтту К взяла на себя дизайн интерьера, в котором отдала предпочтение сверкающим белым поверхностям и черной коже. В двух углах она распорядилась поставить блестящие столбы из черного пластика, именовавшиеся скульптурами. Похожие помещения я видел в футуристическом фильме ужасов, который мне довелось посмотреть несколько лет назад из-за сбоя в системе продажи билетов.

Все уже давно сидели за длинным белым столом: Кристиан и Минтту К, ответственный за охрану парка Эса, аниматор Самппа, а также повар и заведующая кафе «Кренделек» Йоханна. Я пододвинул стул и сел во главе стола. Все взоры устремились на меня, затем переместились на стопку бумаг, которую я положил перед собой, и снова вернулись ко мне. Тишина стояла непривычная.

Я посмотрел на документы на столе и сообразил, что, открыв отчет, сразу распечатал его и принес сюда, не успев даже просмотреть.

На первой странице были приведены сведения о количестве посетителей, выручке от билетов и прочих доходах. Не успел я огласить все данные из отчета, как все замеченное

мной утром – большая, покрытая снегом парковка и стерильная чистота в парке, на которую я, сам не знаю почему, обратил внимание, как и на многократно усиленные запахи из кафе, – все это вдруг сложилось в ясную картину.

Точнее, в ясную картину чего-то совершенно непонятно-го.

– Что случилось? – спросил я.

Посмотрел по очереди на каждого из сидевших за столом. Эса глядел перед собой, как часовой на посту, на столе перед ним лежала черная папка с эмблемой Корпуса морской пехоты США. Самппе почему-то срочно понадобилось заняться укладкой собранных в конский хвост волос, после чего он переключился на фенечки на запястье, число которых за последнее время заметно увеличилось. Йоханна взгляд не отвела, но прочитать ее мысли он никогда не позволял, – возможно, этот загадочный взгляд сфинкса выработался у нее за время долгой отсидки в тюрьме. Минтту К сидела ко мне ближе всех, но ее лица я практически не видел: она ухитрилась погрузить его почти целиком в огромную кружку. Поскольку окон в помещении не было, я предположил, что густой аромат спиртосодержащего средства для мытья окон долетает до моих ноздрей как раз из этой бездонной емкости.

– Число посетителей резко сократилось, – сказал я и снова взглянул на цифры. – Выручка от продажи билетов составила всего пятнадцать процентов по сравнению с обычными выходными. Выручка кафе – десятая часть от обычной. Что

у нас произошло?

– Не у нас, – произнес Эса.

– Не у нас, – повторил Кристиан.

– Хорошо, – сказал я. – Что произошло и где?

– В «Сальто-мортале», – отозвался Эса.

«Сальто-мортале» – наш новый конкурент, о котором я знал очень мало. Именно туда ушел Мой брат Юхани из нашего парка, но спустя три недели снова куда-то пропал. В общем о «Сальто-мортале» мне было известно всего два факта: международный союз парков приключений не принял «Сальто-мортале» в свои ряды, но при этом никак не обосновал свое решение. Кроме того, я знал, где находится «Сальто-мортале». Новый сверкающий павильон расположился на окраине города в точке, диаметрально противоположной нашему парку.

– И что они натворили? – спросил я.

– Открылись в пятницу, начали с большого шоу по радио, бесплатного входа и бесплатных хот-догов – обычных, вегетарианских и веганских, – сказала Минтту К. По утрам ее голос напоминал рычание простуженного льва, а изо рта несло ментоловыми сигаретами, даже когда она не курила. – В субботу – Аку Хирвиниеми, четыре представления, все самые смешные персонажи. Аку отвалили за участие сто копей, посетителям – опять бесплатные хот-доги: обычные, вегетарианские и веганские. И снова бесплатный вход. В воскресенье – Анна Абреу, но туда мелких одних не пускали.

На аттракционы с Анной пускали папаш в зависимости от числа спиногрызов, которых они приволокли. Один аттракцион на одного папашу с одним отпрыском. Мужики собирали этих желторотых по всему Эспоо, да и не только. Один деятель просто подъехал к горке, где мелкие катались на ватрушках, набрал полный кузов и отвез их в парк. Вход бесплатный. Хот-доги бесплатные. Обычные, вегетарианские и веганские.

Минтту К жадно отхлебнула из своей кружки – от долгой речи у нее явно пересохло в горле.

– Ну... – начал я. – Это ведь, наверное, ненадолго.

– Нам сосисок не хватило, – прервала меня Йоханна. – «Сальто-мортале» скупил все сосиски. Они на этой неделе собираются наварить сосисок и накормить половину Финляндии.

– Если речь только об этой неделе...

– Они собираются развить долгосрочное наступление и активно действовать на флангах, захватывая новые территории, – сказал Эса. – Это подтверждается данными разведки. На соседнем участке уже приступили к подготовке позиций. Неужели они решились бы на такой шаг, если бы не были уверены в превосходстве своих резервов и своей выносливости?

– Не думаю, что речь идет о... – начал было я, но меня снова перебили.

– И они уже объявили, – сказала Минтту К, – что продле-

вают акцию на бесплатный вход.

– Мне пора идти открывать парк, – сказал Кристиан, решительно встав со стула и заодно продемонстрировав всем накачанные мышцы. – Я продам билеты первым посетителям и вернусь. У меня есть идея.

Я взглянул на часы в телефоне. Кристиан совершенно прав – уж не знаю почему, но время пролетело незаметно. Я снова перелистал отчет по продажам, числу посетителей и прочим показателям. Да, они вызывали вопросы, но вопросы не только к нашему парку.

– Никто не может предоставлять бесплатный вход и льготы до бесконечности...

Минтту К покачала головой.

– Разумеется, не до бесконечности, мой сладкий. Достаточно дождаться, чтобы мы закрылись. Тогда они останутся единственным парком приключений в городе и смогут задрать цены до небес.

Мысль Минтту К, возможно, сформулировала несколько иначе, чем сделал бы я, но сути это не меняло: разумеется, она права. В совещательной комнате второй раз за утро повисла тишина.

– Стратегия обороны и наступления в общих чертах, – сказал Эса и со значением потряс черной папкой в мою сторону. – На суше, на море и в воздухе. Обновленная и актуальная на шесть часов сегодняшнего утра.

Я не знал, что держит Эса в черной папке Корпуса мор-

ской пехоты США, но особого желания ознакомиться с ее содержимым не испытывал.

– Спасибо, Эса, – сказал я. – Прежде чем мы приступим...

– Сдерживать эмоции, – сказал Самппа, – это ошибка номер один.

– Полагаю...

– Вместо того чтобы подавлять в себе эмоции, которые порождает угрожающая ситуация, нам нужно создать пространство, где каждый сможет их выплеснуть.

– Мобилизацию можно провести в сжатые сроки, – сказал Эса.

– Сосисок нет, – резюмировала Йоханна. – Рыбных палочек и фрикаделек осталось по чуть-чуть. По той же причине.

– Диалог, диалог, диалог, – сказал Самппа, произнося каждое слово все с большим нажимом. – Что чувствую Я, что чувствуешь ТЫ. И как результат – что чувствуем МЫ, все вместе.

– Упреждающий удар, к сожалению, уже невозможен, – печально констатировал Эса. – Только бомбардировки и арт-подготовка.

– На очереди кофе, – продолжила Йоханна. – А если машины и папаши останутся без кофе... Дальше отступать будет некуда.

Самппа покачал головой.

– В этом есть что-то постыдное....

Я поднял руку, чтобы несколько снизить накал страстей,

выразив озабоченность и одновременно подчеркнув, что нам следует продолжать наблюдать за ситуацией и серьезно взвесить вероятность того, что она и дальше будет развиваться таким же образом. Но, может быть, динамика изменится и у нас, возможно уже в ближайшее дни, число посетителей снова начнет расти. Но я не успел вымолвить ни слова, когда в совещательную комнату вернулся Кристиан. Дышал он тяжело, словно белая облегающая футболка сдавила ему грудь. И, судя по выражению лица, не только она.

– Никого, – выдохнул он и потряс головой, как будто сам себе не верил. – Ни одного человека.

Кристиан выдержал секундную паузу, словно выжидая, когда внутри у него погаснет последний уголек надежды.

– И у меня больше нет идей.

К концу дня можно было констатировать, что этот понедельник стал для парка историческим – к нам не пришло ни единого посетителя и ничто не предвещало, что в будущем ситуация улучшится. Кроме того, не названный мне менеджер по продаже наружной рекламы рассказал Минтту К, что троюродный брат знакомого монтажника оборудования по секрету сообщил ему о предстоящей в следующие выходные в «Сальто-мортале» акции – посетителей будут бесплат-

но катать на вертолете. Хотя никто не мог поручиться за достоверность информации, но я не сомневался, что так оно и будет. Это говорило о многом, и в первую очередь о масштабах инвестиций, на которые готовы были пойти наши конкуренты.

Я еще раз произвел те же расчеты, что после утреннего совещания. Сначала оно проходило довольно нервно, а потом все словно оцепенело. Результаты вычислений не обнадеживали. Мы по-прежнему зависели от ежедневной выручки: подушка безопасности, которую я пытался сформировать, все еще оставалась слишком тощей. Что, в свою очередь, не давало возможностей для серьезного маркетингового маневра. Рекламные кампании с бесплатными заманухами стали бы для парка выстрелом в ногу и лишь приблизили бы наш крах. Опираясь на одни только цифры, я совершенно не понимал, чем мы можем ответить конкурентам, которые не просто пускают посетителей в свой парк бесплатно, но еще и кормят за свой счет, катают на вертолете и развлекают, приглашая популярных комиков.

Даже после всего услышанного о «Сальто-мортале» я по-прежнему практически ничего не знал об этом парке приключений. Ничего, что хоть как-то объясняло бы столь щедрую презентацию проекта, сравнимую по затратам разве что с запуском космического корабля.

Я поднялся со стула, подошел к окну и глянул вниз.

За день снежок покрыл тонким одеялом теперь уже погру-

женную в сумерки пустынную парковку перед входом. Белизна свежего снега еще больше подчеркивала наступившее запустение. Чем дольше я смотрел в окно, тем сильнее охватывало меня чувство, что мой парк приключений одиноко парит в темноте.

В течение дня я переговорил с глазу на глаз с каждым из сотрудников. Все они выразили озабоченность и готовность бороться за наше выживание. По сравнению с теми временами, когда я только возглавил парк, это был большой прогресс. Не говоря уже о ситуации, сложившейся из-за сокращения бюджета, на которое я в свое время вынужден был пойти. Мягко говоря, тогда я столкнулся с самым настоящим сопротивлением. Но когда мы выяснили отношения и совместными усилиями преодолели трудности, все изменилось.

Теперь «Заходи, здесь весело» – наш общий парк, наше общее дело.

Об этом сегодня сказали все – кто-то решительно, кто-то более сдержанно. Эса, пожалуй, был самым откровенным, предложив легкое минирование и торпедные удары через тайные подкопы. Самппа настаивал на том, чтобы ему позволили проникнуть в наши страхи; дать выход истерике очень важно, сказал он, но в то же время отметил, что понимает наше стремление держать в столь серьезной ситуации чувства под контролем. Мнения Минтту К и Йоханны разделились между двумя вышеописанными позициями.

Но даже после десятков вычислений и мучительных раз-

мышлений я так и не придумал, как нам, даже объединив усилия, предпринять нечто подобное тому, что позволил себе наш конкурент. Не говоря уж о том, чтобы его превзойти.

Каждая мысль в конечном счете вела в тупик, каждая соломинка, за которую я цеплялся, оказывалась тяжелым якорем, который тянет на дно. В итоге я решил взглянуть на готовое решение. Просто как сторонний наблюдатель.

«Сальто-мортале».

За окном кружился легкий снежок.

Мои размышления прервал звонок телефона.

Родительское собрание проходило в школьной столовой. Я еще не успел до конца отдышаться, когда сел, одновременно снимая куртку: идти пешком от станции метро к начальной школе на площади Эрятори по свежевывавшему мягкому снегу оказалось немного труднее и заняло больше времени, чем я рассчитывал. К тому же маршрут был для меня новым, как и сама школа, в которой я, разумеется, никогда не бывал. Так что прийти за пятнадцать минут до начала собрания, как советовала Лаура, у меня не получилось и я явился в тот самый момент, когда начала выступать заместитель директора – черноволосая дама в блейзере, синий цвет которого напомнил мне неизменную верхнюю полосу в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Заместитель директора приветствовала родителей и рассказала о событиях текущего полугодия.

Вскоре я заметил, что сосредоточен на родительском со-

брании не в полной мере. Мне то и дело казалось, что я еще не в школе, а только еду сюда из парка приключений. Я постарался отрешиться от рабочих проблем и сконцентрироваться на школьных делах, поскольку был тут представителем Туули и Лауры Хеланто и хотел наилучшим образом выступить в этой роли.

Продолжая слушать, я осторожно осмотрелся. Папы и мамы были представлены на собрании примерно в равном соотношении. Разумеется, я никого тут не знал, поэтому сильно удивился, когда темноволосый мужчина в молодежном худи, встретившись со мной взглядом, широко улыбнулся и приветственно поднял руку. Я был уверен практически на сто процентов, что никогда в жизни не встречал этого человека, но он всем своим видом показывал, что прекрасно знает, кто я такой. Я кивнул в ответ и вяло помахал рукой. Почему-то мужчина оценил мой жест так высоко, что показал мне поднятый большой палец. Я отвернулся и осмотрел другую половину собравшихся. И тут же поймал на себе еще один взгляд. На этот раз выдавить улыбку я не смог. Смотревший на меня был светловолос и широкоплеч, спортивного телосложения, по-видимому, физически крепок. Прежде чем я успел задуматься, как мне следует ответить, он отвернулся в сторону выступающей.

Я сделал то же самое. Заместитель директора вроде бы заканчивала свою речь. В переднем ряду кто-то резко вскочил с места и повернулся к публике. Мужчина лет сорока с вну-

шительной бородой. Он представился как Танели, председатель родительского комитета, и принялся рассказывать о Париже. Я догадался, что речь идет о столице Франции, но не понял, откуда взялась эта тема. Видимо, что-то произошло, пока я переглядывался с другими родителями. По-видимому, я пропустил какое-то вступление или объяснение.

Бородач был мастак трепать языком, это следовало признать. Он красочно описывал парижские достопримечательности. В какой-то момент стало похоже на рекламу туристической фирмы, но затем он перешел на более серьезный тон и, понизив голос, начал объяснять, как важно, чтобы дети смогли сами все увидеть, потому что подобный опыт на порядок усиливает тягу к знаниям. Без сомнения, он употребил математический термин в образном смысле, так что я не взялся бы с ним спорить, хотя и не понимал, каким образом Париж связан со школьной столовой в хельсинкском районе Херттониemi. Затем мужчина обратился с вопросом к публике, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, чего он хочет. Вопрос был одновременно таким очевидным и неожиданным, что мне ничего не оставалось, как автоматически поднять руку, уже второй раз за столь короткое время.

– Я могу помочь с расчетами, – сказал я честно. – Я страховой математик.

Поскольку я сидел на самом заднем ряду, то увидел, как собравшиеся родители дружно обернулись и воззрились на меня.

– Великолепно, – воскликнул бородатый Танели с другого конца столовой. – Вот у нас и сформировалась рабочая группа. Собираемся в начале следующей недели.

Вторая половина собрания была посвящена ответам на вопросы родителей. Помимо заместителя директора в столовой присутствовала очень молодая классная руководительница, которую я мог бы принять за ученицу. Тем не менее она бойко отвечала на вопросы и реплики родителей, даже на такие, которые явно выходили за рамки установленных фактов. И, в отличие от некоторых папаш и мамаш, не теряла самообладания. Наконец заместитель директора, открывшая собрание, сама же его и закрыла.

Я встал и направился к передним рядам, чтобы получить у мужчины по имени Танели дополнительную информацию и спросить, какая именно помощь ему нужна в решении проблем с расчетами, когда кто-то опустил руку мне на плечо.

– Хенри, не так ли?

Темноволосый мужчина в худи снова улыбнулся.

– Да, Хенри, – подтвердил я.

– Сами, – сказал мужчина и протянул руку.

Мы скрепили знакомство рукопожатием.

– Моя дочка, Элла, – подруга Туули. Они много общаются. Классно, что ты сразу включился в работу.

Сначала я не понял, что имеет в виду Сами, но потом решил, что он, видимо, подразумевает сегодняшнее мероприятие, родительское собрание и то, что я пришел сюда вместо

Лауры Хеланто. Это было важно и для меня самого.

– Да, рад включиться в работу, – согласился я.

– Наверняка тебе понравится, – кивнул Сами.

У него были глубоко посаженные карие глаза и пухлые щеки с небольшими ямочками. Эта комбинация стала возможной благодаря сочетанию широких скул и общей полноты, которая не обошла и лица, сровняв углы и смягчив общий облик. Сами все еще улыбался и собирался что-то сказать, как вдруг резко повернул голову.

– Туукка, – позвал Сами, – иди, поздоровайся с Хенри.

Я проследил за взглядом Сами. Похоже, Туукка и был тем светловолосым викингом, с которым я уже успел обмениваться взглядами. Туукка протянул мне руку еще быстрее, чем Сами.

– Только не ведись на все, что тебе будет навешивать на уши Танели, – сказал Туукка.

– Почему? – спросил я.

Вокруг нас началось движение; многие родители уже встали со своих мест.

– Туукка у нас любит пошутить. Танели – рекламщик, а Туукка – специалист по продажам. Он уверен: все, что он продает, должно соответствовать обещаниям Танели, – сказал Сами, а Туукка почти незаметно кивнул в знак согласия. – Сам-то я изучал социальную антропологию.

– А я...

– Страховой математик, – сказал Сами. – Звучит солидно.

Сами засмеялся, снова опустил руку мне на плечо, и тут я осознал, что мы стоим почти вплотную друг к другу.

– Прости, это было необходимо.

– Что?..

Сами перестал смеяться.

– У нас тут такой неофициальный *Dads Club*¹, – сказал Сами. – Поскольку наши дети проводят вместе много времени, играют, и все такое. С этого все и началось, как говорится. Так что вливайся в коллектив.

Я опять не понял, что Сами имеет в виду, и снова заметил, что мне пора обсудить математические проблемы с Танели, тем более что тот как раз направился к нам. Каштановая борода с рыжими подпалинами вблизи выглядела еще более внушительно. У Танели были голубые, слегка навывкате глаза и пучок рыжеватых выющихся волос на макушке. Если сравнивать с бородой, то на голове у него волос считай что не было. Танели тоже пожелал пожать мне руку.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – сказал он. – Мы стараемся дарить нашим детям незабываемые впечатления.

– Я уже рассказал про наш *Dads Club*, – сообщил Сами.

– Рад пополнению нашего коллектива, – отозвался Танели, посмотрев мне в глаза долгим и, пожалуй, несколько интимным взглядом. – Наверное, стоит предупредить, что мы тут, в самом сердце Херттониими, пожалуй, немножко странные. Кто-то называет нас хипстерами, кто-то бузотера-

¹ Отцовский клуб (англ.).

ми, некоторые – прибабахнутыми, но как по мне – нам просто нравится тусить вместе. И цели благие, как вот сейчас, например.

Не сказать, что я вполне его понял. Но в новую тему решил не углубляться, предпочитая вернуться к первоначальной.

– И в чем же заключается... – начал было я, но не успел договорить.

– Лыжи и бег трусцой, йога, купание в проруби, – принялся перечислять Туукка, и в его голосе появились нотки нетерпения, как будто он, не откладывая, сию минуту собирался заняться всеми этими увлекательными вещами. – Ну, это сейчас, зимой. Летом – футбол, стритбол, пляжный волейбол. И это как минимум.

– У нас тут очень дружная компания, – добавил Сами, – и правда очень много таких совместных занятий.

– В общем, есть кое-какие мыслишки насчет того, как все это дело профинансировать, во всяком случае, на начальном этапе, – сказал Танели. – Давай встретимся на следующей неделе вдвоем, скажем, перед обсуждением поездки в Париж. Кстати, насчет Парижа мне тут пришло в голову...

В руке у Танели появился смартфон.

– Я тебя добавлю в нашу группу в Вотсапе, – продолжал Танели. – Там и потолкуем о бюджете.

Ситуация развивалась стремительнее, чем мне хотелось бы, но я сказал себе, что обещал Лауре помощь, а не просто

формальное представительство. Я назвал Танели номер телефона и заметил, что Сами тоже записал его в свой смартфон.

– Так, добавил тебя в нашу группу, *Dads Club*, – сообщил Сами. – Не удивляйся, если получишь сообщение или приглашение прямо сегодня вечером, и уж во всяком случае, не позднее завтрашнего утра. Мы все тут живем в сотнях метров друг от друга – дети выходят погулять или чем-нибудь заняться, и мы с ними. Туукка уже сказал, что мы часто вместе играем. Но у нас бывают и свои мероприятия – пицца-вечеринки, походы на спортивные матчи, обсуждение книг. Осенью мы ездим на сбор овощей.

– С лыжами у тебя как – классический или коньковый ход? – спросил Туукка.

– Что?.. – услышал я собственный голос.

Такой допрос был совершенно не в моем вкусе. Переключаясь с темы на тему, я оказался совершенно сбит с толку.

– Йога? – спросил Туукка.

– Туукка обалденно преподает йогу, – кивнул Танели.

– Нет, вообще-то я не занимаюсь... Я присоединился, потому что я математик...

– Так, все понятно, – воскликнул Сами, поворачиваясь к Туукке и Танели. – У нас в выходные день граффити. Туули тоже придет, Элла мне говорила. То есть соберется весь клуб в полном составе. А что, если нам вместо турнира по большому теннису, который у нас что-то подвис, провести

турнир по пинг-понгу?

– Точно! – воскликнул Туукка.

– *Game is on*², – поддержал его Танели.

– Я выложу правила участия в турнире, чтобы и Хенри с ними ознакомился, – сказал Сами и с поразительной ловкостью принялся тыкать пальцами в телефон. – Приступим в полдесятого, когда начнется вся эта тема с граффити, да? Ну и отлично! Так. Теперь вы все знаете место, время, правила, участников, турнирная таблица тоже тут. Супер!

Я решил не обращать внимания на спонтанные восклицания Сами – если возникнет необходимость, в чем я лично очень сомневался, к ним можно будет вернуться позднее, – и попытался еще раз выяснить у Танели, какое отношение мои знания в области математики имеют к столице Франции.

– Так вот насчет Парижа, – начал я. – Если я правильно понял, речь идет о какой-то совместной поездке в Париж.

– Культурное мероприятие для детей, – кивнул Танели. – Мы хотим организовать им незабываемое путешествие, из серии, так сказать, *once in a lifetime*³.

– И вы составляете бюджет...

– Составим, когда деньжат на него подсоберем. На данном этапе мы надеемся, что кто-нибудь нам их подкинет, – сказал Танели. – Пополнит кассу. Ну, и нужно составить такой бюджет, чтобы через год можно было поехать.

² Игра продолжается (англ.).

³ Единственный раз в жизни (англ.).

Я подумал секунду.

– Относительно бюджета... А сколько в кассе денег на текущий момент?

– С прошлой весны мы провели уже три небольших мероприятия – две мини-ярмарки и одну лотерею, – ответил Танели. – Начальный капитал составляет тысячу девятьсот евро.

Я подумал еще несколько мгновений.

– Учительница говорила, что в классе двадцать девять учеников, – сказал я. – Самый дешевый билет на одного ребенка стоит порядка двухсот пятидесяти евро, самый бюджетный отель – вероятно, от ста евро за ночь. И вряд ли в Париж имеет смысл лететь с одной ночевкой. Предположим, мы планируем самую короткую поездку, то есть минимум с двумя ночевками. Тогда общий бюджет, не считая питания, транспорта, билетов в музеи и прочих необходимых расходов составит, если быть точным, тринадцать тысяч пятьдесят евро. Если вычесть имеющийся в кассе начальный капитал, дефицит бюджета на данный момент составляет в общей сложности одиннадцать тысяч сто пятьдесят евро. Если исходить из того, что недостача будет покрываться проведением упомянутых лотерей и ярмарок с указанной периодичностью, то в этом году необходимо провести восемнадцать ярмарок. Я, разумеется, округляю.

Мужчины посмотрели друг на друга, потом на меня. Я объяснил, что расчеты носят достаточно грубый и прибли-

зительный характер и отметил, что сбор средств путем проведения школьных ярмарок раз в две недели мне представляется крайне неэффективным. Более того, такая периодичность может оказаться контрпродуктивной. Я подчеркнул, что следует понимать, на каком шатком основании пока что базируется проект, и что привлечение к нему дополнительных исполнителей – я подразумевал, разумеется, себя, – на данном этапе не представляется оправданным. Как ни странно, Танели стал улыбаться, Сами тоже засветился улыбкой, а Туукка едва заметно кивнул.

– Великолепно, – сказал Сами. – Наконец-то нашелся подходящий человек, который воплотит эти мечты в жизнь.

– Это действительно будет событие из серии *once in a lifetime*, – поддержал его Танели.

Туукка ничего не сказал. Только смотрел на меня не моргая.

– Прекрасно, просто прекрасно! – воскликнула Лаура Хеланто, войдя в прихожую и снимая куртку. – Место замечательное, им понравились мои эскизы, все прошло даже лучше, чем я ожидала. В начале следующей недели они сообщат, получу ли я эту работу. А как прошел твой день? Первый день семейного человека, как ты сам сказал утром?

Я успел подготовиться к этому моменту и не забыл своего утреннего решения не говорить дома о работе, не приносить сюда, в это жизненное пространство, дел, которые к нему не относятся. Радость и энтузиазм в голосе Лауры заставили меня снова задуматься, какими новостями с ней стоит поделиться. Я встал с дивана в гостиной, прошел мимо закрытой двери в комнату Туули и у вешалки в прихожей обнял Лауру Хеланто – с холодными щеками, но в целом теплую. Должен признать, что эти объятия были лучшим из того, что принес мне сегодняшний день.

– Суматошный денек, – сказал я честно, – но на родительское собрание я успел.

Лаура стояла вплотную ко мне, я чувствовал ее дыхание, когда она говорила.

– И что было на собрании?

– Я пообещал сделать кое-какие расчеты. В связи с возможной поездкой в Париж.

– Ого! – воскликнула Лаура. Мне показалось, что она удивлена. – Про поездку когда-то был разговор, но я думала, это пустая болтовня. Похоже, они сумели где-то раздобыть денег.

Я ничего не ответил.

– Не ожидала, честно говоря, – сказала Лаура, помедлив.

– Чего?

– Что ты так сразу... Примешь такое активное участие.

– С удовольствием приму, – ответил я, вдыхая запах волос и кожи Лауры, который притягивал меня все больше и больше.

В тот момент я и представить себе не мог, что после всех событий богатого на неожиданности дня самый большой сюрприз у меня еще впереди.

Это произошло за ужином.

Пока остальные члены семьи сидели за столом, Шопенгауэр устроился в укромном уголке на полу между кухонными шкафчиками и стеной. Он выглядел довольным, что может спокойно и, главное, без посторонних глаз поесть. Туули, в свою очередь, выглядела довольной, что я подружился с папами ее подруг. Судя по всему, сыграло свою роль и мое намерение пойти с ними на день граффити в субботу. Я на

это мероприятие не записывался, но меня зарегистрировали Туули с Эллой при участии Сами. Такой поворот событий привел Лауру в полный восторг, чего я совершенно не ожидал. Мне вдруг пришло в голову, что семейная жизнь – это и есть участие в бесполезных занятиях, сопряженных с разными неудобствами, чего раньше я бессознательно или вполне осознанно избегал.

Однако все оказалось не так просто.

Данный, сам по себе обыденный совместный ужин заставил меня почувствовать и заметить нечто, о существовании чего я раньше не предполагал. Когда я увидел радость Лауры и услышал смех Туули, то почувствовал, как внутри у меня поднимается какое-то новое, неведомое теплое чувство – смесь счастья, гордости и торжества от того, что все мы вместе. Мы сидели за одним столом, даже Шопенгауэр расположился неподалеку и занялся вечерним умыванием. Мягкий свет из-под знакомого абажура согревал нас, словно наше собственное маленькое солнце, поа за окном завывал зимний ветер. С математической точки зрения то, что я сейчас скажу, не выдерживает никакой критики, тем не менее этот момент многократно окупил все неприятности уходящего дня. Позже, когда я прибрался, загрузил посудомоечную машину, протер обеденный стол, столешницу и раковину салфеткой, увлажненной рекомендованным в инструкции количеством моющего средства, – да, именно в таком порядке! – я понял, возможно, яснее, чем когда-либо прежде: если

я правильно рассчитал все факторы с достаточным количеством переменных, то мне досталось то, чего ищут и к чему стремятся практически все люди, которых я знаю. Мне выпало счастье.

Потом я долго лежал с открытыми глазами рядом с уснувшей Лаурой.

Так вот они какие, эти самые отношения между людьми, с вытекающими из этих отношений сложностями.

Я был мужем лишь в течение полутора суток и за этот короткий период успел оказаться в ситуации, вынуждающей меня скрывать сразу несколько вещей. Диапазон моих тайн простирался от внезапно упавшей посещаемости парка приключений до стремительно надвигающейся катастрофы, которой чреват бюджетный кризис, выявленный на родительском собрании. Отвечать за него каким-то сложно объяснимым образом взялся я. Не говоря уж о том, что я очутился в клубе, на членство в котором не претендовал. Случается ли такое с другими людьми? И если проблемы возникают с такой поразительной частотой, то каково это – оставаться женатым на протяжении тридцати лет? Я попытался объяснить себе, что не собирался ничего скрывать и выбрал такую тактику, чтобы защитить свой дом от неприятностей, не допустить повторения того, что случилось раньше; с этой точки зрения я, как супруг и член семьи, просто обязан соблюдать осторожность и кое о чем помалкивать. И в этот момент я понял, что ступаю на путь, о котором знал только по филь-

мам и книгам, – на кривую дорожку лжи.

Я старался выровнять дыхание, расслабиться. Но это было трудно.

Даже в момент засыпания в голове у меня крутились когда-то где-то виденные заголовки, они вращались и мелькали, как безостановочная карусель.

«Семейные отношения – это умение давать и принимать».

«Семейные отношения нужно беречь».

«В основе здоровых семейных отношений лежит открытость и откровенность».

Такие вот беспокойные сны.

– Вы хотите, чтобы я пошел подежурить в вестибюле? – спросил Кристиан, появившись в дверном проеме.

Я встал со стула и выглянул на улицу.

Солнце уже взошло, и было светло так, как бывает светло в январе: будто откуда-то издалека пробивается свет тусклой матовой лампы. Снег на парковке перед входом в парк приключений убрали, и сверкающее пушистое покрывало сменилось коричневым с белыми разводами. То тут, то там, в местах, где грейдер скреб по асфальту, чернели пятна. Для ответа было достаточно мимолетного взгляда.

– Если на парковке никого нет, значит, никто не придет за билетами, следовательно, нет смысла торчать в вестибюле...

– Ну, вдруг сразу много народу набежит...

Я снова посмотрел на Кристиана. Он мучительно подыскивал слова:

– Вдруг они вспомнят, как им тут было... хорошо... классно... что это все-таки лучший парк приключений и что...

На этом его внутренний ресурс иссяк. Таким я его никогда не видел. Даже накачанные мышцы будто сдулись. И я понял кое-что важное – он боится. Это был не тот Кристиан, которого я знал. А ведь не так давно он вместе со мной участвовал в рискованном предприятии, когда мы ночью по-

ехали добывать наш самый новый и самый большой аттракцион «Прыжок лося», действуя способом, далеким от математики; в той операции Кристиан показал себя как человек бесстрашный и инициативный. А теперь паниковал настолько, что это было видно невооруженным глазом. Поэтому я спросил:

– У тебя какие-то новости?

На лице Кристиана отобразилась мука.

– «Мистер Фитнес-Финляндия», – сказал он тихим голосом.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы это осмыслить. Я не знал, что ответить, поэтому взял паузу.

– Я участвую в этом году... – продолжил Кристиан еще тише. – И они организуют соревнования...

Лицо Кристиана горело. И тут меня осенило.

– В «Сальто-мортале»?

Кристиан кивнул.

– Когда назначены соревнования? – спросил я.

На пунцово-красном лице Кристиана проступило явное замешательство.

– Ты тоже участвуешь?

Молчание.

– Кристиан, – сказал я, – мне хотелось бы, чтобы ты кое-что разузнал о «Сальто-мортале».

Кристиан громко сглотнул: движение кадыка было заметно с другого конца кабинета.

– Да, разумеется, – кивнул он. – В апреле.

До апреля оставалось еще почти три месяца. Стало быть, «Сальто-мортале» строит планы на долгую дистанцию. Следовательно, свою агрессивную рекламную кампанию они продолжают. А это, в свою очередь, означает, что «Сальто-мортале» думает о привлечении клиентов в долгосрочной перспективе и собирается действовать в том же духе до тех пор, пока мы не закроем двери нашего парка. Однако Кристиан не сказал о главном.

– Если ты не против, я задам личный вопрос, – произнес я. – Почему ты так нервничаешь?

– Ну, это самое... Нужно будет это... Идти туда... В «Сальто-мортале».

Я внимательно посмотрел на Кристиана. По его виду можно было предположить, что он только что вынес кассу парка или, например, не успел добежать до туалета. А ведь он всего-навсего произнес вслух очевидную истину, в которой ему по той или иной причине не хотелось признаваться.

– Вот и отлично, – сказал я. – Нам все равно надо туда как-то пробраться.

Кристиан не то чтобы улыбнулся, но его щеки, по цвету напоминавшие пламя, которое вырывается из сопла ракеты, начали понемногу остывать.

– *Keep pumping*⁴, – пробормотал он едва слышно.

⁴ Продолжай накачивать мышцы (англ.).

«Сальто-мортале» располагался в Эспоо, сразу за западной окраиной Хельсинки. Здание несколько превосходило по размерам игровой павильон в нашем парке приключений. Огромный логотип «Сальто-мортале» на крыше сиял так ярко, что при необходимости мог бы служить ориентиром для воздушной навигации по всей Южной Финляндии.

По велодорожке я спустился к автостоянке, перешел дорогу по «зебре» и стал обходить здание. Одновременно моему взору открылся великолепный вид на переполненную парковку. Машины кружили по проездам, газовали, сдавали задним ходом или медленно ползли в поисках свободного места. В воздухе витало предвкушение большого спортивного праздника. Я проделал немалый путь, прежде чем добрался до входа в парк. И оказался в конце огромной очереди.

Такого восторга я еще не видел.

Разумеется, энтузиазм маленьких посетителей был вызван по большей части бесплатными хот-догами и, как теперь выяснилось, бесплатными вафлями со взбитыми сливками и клубничным джемом. Посетители ростом повыше, большинство которых составляли отцы, излучали такое довольство, какого я в своем парке не наблюдал ни разу. На стене красовался плакат с программой на неделю. Каждый

день гостей ждали выступления артистов, развлекательные мероприятия и разнообразные угощения. Нижний край плаката занимала надпись огромными желтыми буквами:

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ

И точно – через двадцать минут я совершенно бесплатно вошел в «Сальто-мортале». Несколько секунд спустя я осознал, что с каждым мгновением все меньше понимаю происходящее.

Некоторые устройства и аттракционы я опознал с первого взгляда. «Кенгуриные скачки», «Слоновую ферму» с автомобильчиками и «Эйфелеву башню» для прыжков мне приходилось видеть у поставщиков. И, разумеется, я слышал про «Бобра» и видел фотографии этого аттракциона, который, конечно, сразу обращал на себя внимание.

Гигантский грызун, почти двадцать метров в длину, а с учетом хвоста – и все тридцать, – покрытый не отличимым от настоящего искусственным мехом, являл собой зрелище настолько впечатляющее, что в какой-то момент мне перестало хватать воздуха. Зато десятки малышей, карабкающиеся вверх, протискивающиеся вперед и скатывающиеся с горок, явно не испытывали дефицита ни кислорода, ни чего-либо еще. Согласно моим оценкам акустики, шум, производимый толпой гостей, в разы превосходил тот, который я слышал в собственном парке, а визуально наблюдаемая активность была заметно интенсивнее, чем в самые оживленные дни у нас. В общем, жизнь здесь была ключом.

Я двинулся дальше.

Еще больше оборудования, еще больше аттракционов. Больше красок, больше шума, больше движения. И все вокруг сверкало новизной – от безупречно гладкого бетонного пола до комет с пышными хвостами у меня над головой. Я обошел парк дважды. В одном углу павильона известный бизнес-коуч объяснял папашам, как всегда и во всем добиваться успеха, в другом – популярный поп-певец с обнаженным торсом раздавал автографы мамашам.

Уже во второй раз я остановился в дверях кафе. Цены на светящемся табло поражали – венский шницель а-ля Оскар стоил всего один евро! Мясные фрикадельки с картофельным пюре – один евро. Десерты – бесплатно. По павильону змеей извивалась очередь.

Я попятился от двери, вновь испытал нехватку воздуха, и отошел в сторонку, подальше от сутолоки. Пробраться через толпу было нелегко, но в конце концов мне удалось укрыться под «Беличьими деревьями» и перевести дух. «Деревья», по-видимому, пользовались в парке наименьшей популярностью. Разной высоты и толщины, они представляли собой целую рощицу, где посетители, сидя на ветках, могли бросать в пластиковых белок пластиковыми же орешками размером с теннисный мяч. «Белками» заинтересовался единственный посетитель ростом чуть более метра. Но занимали меня не пластиковые орехи, валяющиеся тут и там. Я непрерывно проводил вычисления, от чего голова у меня пухла все боль-

ше и больше. Я решил минутку передохнуть, а потом подумать, что делать дальше. Но едва я втянул воздух в легкие, как за спиной раздался голос:

– Хенри Коскинен?

Поскольку меня окликнули, когда я делал вдох, я закашлялся и, лишь восстановив дыхание, оглянулся. Передо мной стоял мужчина лет тридцати. В пиджаке с отворотами на рукавах и в джинсах, которые не прикрывали щиколоток, словно он из них вырос. Я кивнул и подтвердил, что действительно являюсь Хенри Коскиненом.

– У нас к вам дело, – сказал мужчина. – Пойдемте со мной, поговорим.

Я рассмотрел мужчину внимательнее. Серые глаза, светлые волосы с безупречным пробором. Лицо несколько контрастировало с раскованным стилем одежды. Скорее оно выдавало человека скрытного, который по мере сил пытается замаскировать свою сущность. Я последовал за ним.

Мы шли через игровой павильон, словно вброд пересекали широкую реку. Толпы посетителей создавали мощные водовороты, грозившие унести нас за собой. Тем не менее нам удалось добраться до другой стороны павильона целыми и невредимыми, что можно было считать своего рода успехом. К моему удивлению, дойдя до скалодрома «Мартышки», который я принял за дальнюю стену павильона, мы двинулись дальше. За «Мартышками» оказалось еще одно крыло, по-видимому, офисное.

Поднявшись по короткой лесенке, мы попали в помещение, которое, пожалуй, можно было назвать вестибюлем. Мужчина махнул рукой направо, и мне показалось, что на его лице мелькнуло что-то вроде улыбки. Довольно-таки кислой, словно у него был полон рот брусники.

Мы вошли в переговорную комнату. Ну, или я подумал, что это переговорная. Длинный стол и стулья вокруг. В углу – флипчарт. Мой спутник закрыл дверь. Мы оказались в комнате вдвоем.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил мужчина.

Я посмотрел на него, на стол и стулья.

– Где вам будет удобно, – сказал мужчина.

– А это...

– На пару минут.

Я вытянул стул из-под стола и сел. Мужчина сел по другую сторону стола, чуть левее от меня. Я поправил пиджак, пощупал узел на галстукке. Стал ждать. Мужчина уткнулся в свой смартфон. Через пару минут дверь открылась. В помещение вошли двое. Первого я поначалу принял за близнеца того, кто меня сюда привел, но в следующий момент понял, что ошибся; меня ввела в заблуждение их практически идентичная одежда и манера держаться. Да и улыбка у него получилась не лучше. Он сел за стол напротив меня – наискосок справа. Второй расположился между ними, прямо посередине, потеснив своих коллег. Молодежный прикид, непринужденные жесты. Возраст – немного за сорок, темные корот-

кие волосы зачесаны назад и уложены гелем, в темной щетине поблескивает седина. Голубые глаза. Несколько секунд он рассматривал меня, затем произнес:

– Пришли ознакомиться с местом, как я понимаю?

– Хотел посмотреть, как тут у вас все это работает, – честно ответил я.

– Я же говорил, – услышал я голос слева.

Мужчина по-прежнему держал в руках телефон, но от улыбки не осталось и следа.

– Йонас, – сказал человек, сидевший передо мной, – убери уже телефон.

Мне показалось, Йонас готов был если не взорваться, то что-нибудь взорвать. Тем не менее он, хоть и неохотно, убрал телефон в нагрудный карман пиджака.

Мужчина напротив снова посмотрел на меня.

– Орел, – назвал его.

Я ждал продолжения, но его не последовало. Я подумал, может, они ждут, чтобы я предложил какое-то другое животное – зверя или птицу. Не очень уместно, конечно... Но мужчина снова заговорил:

– Я – Нико Орел. А вы, значит, Хенри Коскинен?

Уже второй раз за короткое время мне пришлось подтвердить, что это я и есть.

– И что, вам понравился парк? – спросил Нико Орел.

– Впечатляет, – сказал я совершенно искренне. – Хотя я и не все понимаю.

– А тебе и не нужно, – услышал я голос того, что сидел правее.

Это наконец заговорил тот, которого я принял за брата-близнеца Йонаса. Только теперь я заметил, как сильно они непохожи. Отвороты на рукавах пиджака и слишком короткие штанины действительно создавали ощущение некоторого сходства, но отличия бросались в глаза. Коротко подстриженные блондинистые волосы третьего и его жидкие до полупрозрачности усики, вероятно, должны были производить впечатление элегантности, но на деле лишь оттеняли собой природную угрюмость, сквозившую в позе, в посадке головы и во взгляде исподлобья. Если бы мне предложили выбрать самого непредсказуемого из этой троицы, не уверен, что я назвал бы Йонаса, помешанного на своем смартфоне.

– Вот что Олави имеет в виду, – сказал Нико Орел. – Ты пришел сюда немного поглазеть – о'кей, нет проблем. Но теперь ты немедленно отсюда сваливаешь.

Нагловатый тон, с каким он это произнес, и его уверенность, что так оно и будет, подняли в моей душе настоящую бурю. Люминесцентные лампы на потолке словно вспыхнули ослепительным светом, и перед моим мысленным взором промелькнули картины происходящего в этом парке вперемишку с тем, чего лишился мой собственный.

Будто электрический ток пробежал по телу: прилив адреналина словно запустил небольшую атомную электростанцию.

Я подумал о том, кем я был, кем стал и как много в конечном счете поставлено на карту. Сюда я пришел, чтобы защитить свой парк, рабочие места моих сотрудников и все, что я, преодолев страх и рискуя жизнью, создал своим трудом и благодаря математике. Я вспомнил череду похожих ситуаций – шантаж, запугивание, давление, зловещие намеки и прямые угрозы. По очереди посмотрел на каждого из троих мужчин, сидевших передо мной по другую сторону стола. Я верил математике. Она спасла мне жизнь, она спасла все, что меня окружало. Пока математика со мной, я не сдамся. И вообще никогда не сдамся. Я набрал полные легкие воздуха.

– Я просто пытаюсь понять, как работает ваш парк, – сказал я и как будто услышал себя со стороны, удивившись собственному спокойствию.

– А зачем тебе понимать, как работает наш парк? – отозвался Нико Орел. – Может, тебе стоит сосредоточиться на том, почему твой собственный не работает?

Йонас издал смешок, который я не назвал бы добродушным.

– У чувака парк не работает, – Олави счел необходимым подтвердить слова Нико Орла.

– Как там у вас с посещаемостью в последнее время? – спросил Йонас и снова полез в карман за телефоном.

– Йонас, оставь телефон в покое, – бросил Нико Орел, и рука Йонаса замерла и опустилась на стол, словно собака, которой дали команду «Лежать!».

– Посещаемость на нуле, – сообщил Олави.

– Олави, – сказал Нико Орел, – помолчи.

Но Олави явно был очень доволен своим замечанием. Нико Орел на протяжении всего разговора не отрывал от меня взгляда.

– А теперь скажу я. В отношении тебя с этой минуты действует пожизненный запрет на посещение «Сальто-мортале», и ты сейчас вылетишь отсюда пинком под зад.

– Насколько хорошо вы знакомы с поведенческой экономикой? – спросил я. – Осмелюсь сказать, что ваша бизнес-модель вредит не только мне, но и вам, как, впрочем, и всей индустрии парков приключений, причем как в короткой, так и в долгосрочной перспективе. Она создает у наших посетителей, основная часть которых, замечу, находится в легко поддающемся влиянию возрасте, представление о том, что парки приключений ничего не стоят и не должны ничего стоить. И это работает в ущерб паркам, потому что клиенты привыкают ходить в них даром. Если посещение бесплатное, мы ничего не зарабатываем. Как и в случае, если клиенты вообще не приходят. Никто от этого не выигрывает. В конце концов обанкротятся все парки, не только мой, что, вполне вероятно, как раз и является вашей целью. Но на этот счет у меня для вас плохие новости.

– Я же говорил, – снова услышал я голос Йонаса.

– И я... говорил, – подтвердил Олави, но как-то не очень уверенно.

Нико Орел посмотрел сначала налево, потом направо. Когда он снова заговорил, вернувшись к своему нравоучительному тону, в его голосе мне послышалась некоторая нервозность.

– Ты известный доктринер, – сказал Орел, – и мы о тебе слышаны...

– Полагаю, вы использовали не совсем точное слово. Доктринер, как я понимаю, в значительной степени подвержен стереотипам и обращен в прошлое, – прервал я Нико Орла. – Именно этого я и стараюсь избегать. Прежде всего, я стремлюсь заранее все предвидеть, чтобы не оказаться, как говорят, крепким задним умом. Эта ваша «бесплатность» и есть тот принцип, опираясь на который вы собираетесь руководить своим парком?

– А парк никакой не его, – вставил Йонас.

Я получил ответ на вопрос, даже не успев его задать. Меня он, пожалуй, удивил, но Нико Орел был им просто сражен. Что-то изменилось в его лице. Было нетрудно заметить, что он утратил всю самоуверенность.

– Могу ли я в таком случае поговорить с владельцем? – поинтересовался я.

– Мне сходить за Вилле-Пеккой? – в ту же секунду спросил Олави.

– Да, спасибо, – тотчас ответил я.

Олави встал прежде, чем Нико Орел успел что-то сообразить, открыл дверь и вышел в вестибюль. Вместо того чтобы

хотя бы взглядом проводить его исчезнувшую за дверью фигуру, Нико Орел повернулся ко мне. Голубые глаза смотрели недобро.

Мы немного подождали, и я услышал приближающиеся шаги. Олави вернулся в переговорную и сел на свое место. Затем снова раздались шаги, и в комнату решительной походкой вошел человек и встал у окна, за спинами троицы, сидевшей за столом. Он был примерно моего возраста, среднего роста и комплекции, и ничто в его внешности не обращало на себя внимания, кроме наряда. На нем были узорчатые ковбойские сапоги из змеиной кожи, черные джинсы и рубашка с орнаментом – подобные одеяния я видел разве что у всадников на родео и исполнителей кантри. Костюм довершала широкополая ковбойская шляпа из кинофильмов о Диком Западе. Присмотревшись, я заметил еще и шнурок, повязанный у него на шее. И почувствовал себя на каком-то маскараде.

– Вилле-Пекка Хяюринен, – представился вошедший. – В чем дело?

Хяюринен стоял за спиной моих собеседников, так что они его не видели. В свою очередь, и Хяюринен не видел выражения лица, скажем, Нико Орла. Меня это более чем устраивало. Я назвал и повторил все, что уже рассказал, – чем грозит отказ от взимания платы. Вилле-Пекка явно прислушивался к моим словам, поэтому я обосновал свою позицию более подробно. На этом я закончил. Вилле-Пекка Хя-

юринен дотронулся правой рукой до края шляпы. Я напомнил себе, что нахожусь не в вестерне, а на деловой встрече, причем не самой комфортной.

– Затраты немалые, – произнес Вилле-Пекка, выдержал короткую паузу и продолжил: – Но за это отвечает Нико. И он считает, что таким способом мы обанкротим и вас, и ваш парк, целиком и полностью. И тогда мы останемся единственным парком приключений в городе.

Ничто не изменилось в лице Нико Орла, но я был уверен, что он улыбается. Я снова посмотрел на Хяюринена и подумал, что, пожалуй, правильно рассчитал расклад полномочий внутри этой четверки.

– А Нико не говорил вам, что это не сработает? – спросил я. – И что деньги, которые вы сейчас бросаете в топку, вы теряете навсегда? Ваши действия крайне далеки от рентабельных инвестиций. Независимо от того, сколько вы готовы ждать.

На лице Хяюринена, которое пряталось под широкими полями шляпы, впервые появилось нечто похожее на осмысленное выражение, – возможно, легкая неуверенность, тень сомнения. Я взглянул на Нико Орла. Он больше не улыбался.

– Почему я должен выслушивать разглагольствования конкурента? – задался вопросом Хяюринен.

– Потому что у меня есть опыт и представление об индустрии парков приключений, – сказал я. – И я добился результатов. Кроме того, я актуарий.

– Простите?

– Актуарий, страховой математик, – пояснил я. – Предвизывая следующий вопрос, сразу скажу, что страховая математика – это сочетание математики и статистики, позволяющее оценивать вероятность события и риски, что, в свою очередь, дает возможность рассчитать размер страховой премии страховщика, чтобы его деятельность оставалась рентабельной. Эти расчеты не связаны напрямую, скажем, с вашим гигантским «Бобром» или «Кенгуриными скачками», но в принципе можно рассчитать и их рентабельность тоже. Я умею оценивать риски и рассчитывать вероятности.

Я посмотрел по очереди на каждого из мужчин и добавил:

– Не хочу обидеть никого из присутствующих, но смею заверить, что из всех нас я тут самый квалифицированный и опытный специалист.

– Повторю свой вопрос, – сказал Хяюринен. – Почему я должен выслушивать ваши рассуждения?

– Потому что, помогая вам и вашему парку, я помогаю и своему парку тоже.

Хяюринен потер подбородок, поправил концы шнурка, заменявшего ему галстук, и произнес:

– Нико, ты говорил Эльсе и мне, что Хенри Коскинен – интроверт-математик, лишенный воображения и вряд ли знающий, какой сегодня день, а может быть, и год. У меня что-то не складывается такое впечатление.

Хяюринен обратил взгляд на затылок Орла, а Орел уста-

вился на меня.

– Так Хенри Коскинена описал его брат, – пояснил Нико Орел. – И, по-моему, правильно описал. Надо обладать очень слабым воображением, чтобы явиться сюда, говорить подобные вещи и не предвидеть последствий.

Йонас засмеялся, затем, словно опомнившись, снова серьезнел. Олави с трудом сдерживал себя. Хяюринен молчал, переводя взгляд с затылка на затылок, потом посмотрел на меня. Затем как будто что-то вспомнил и взглянул на часы на руке.

– Эльса ждет, – сказал Хяюринен, – мы едем смотреть новую лошадь. Вы же знаете, для Эльсы нет ничего важнее, она помешана на лошадях...

Все трое за столом одновременно кивнули.

– Хорошо, мы разберемся... – начал было Нико Орел, но я перебил его:

– Надеюсь, вы все-таки пересмотрите свое отношение к бесплатным услугам, – сказал я. – Готов помочь вам разобраться в этом вопросе как математик.

Хяюринен взглянул на меня, словно хотел что-то сказать, но промолчал. Он снова поднял руку и еще раз бросил взгляд на часы, затем развернулся на каблуках своих ковбойских сапог и направился к двери. Уже на пороге он вдруг остановился.

– Нико, – сказал Хяюринен, – не мог бы ты подготовить мне и Эльсе все эти... цифры?

– Безусловно, – ответил Нико Орел, даже не повернувшись к двери и не сводя с меня глаз. – Передам лично в руки.

Мы еще некоторое время слышали удаляющиеся шаги Вилле-Пекки, пока они не стихли. Я встал со стула и сказал:

– Благодарю за этот содержательный разговор.

И вышел из комнаты. Уже в вестибюле меня догнал сзади голос Олави.

– Эй, страховой агент, – крикнул он, – посчитай-ка вот это!

Я даже не обернулся.

Эпизод в переговорной «Сальто-мортале» преследовал меня день за днем, как набирающая силу океанская волна. Эта волна держала меня в тонусе и тогда, когда я подбадривал сотрудников на собраниях с глазу на глаз, и тогда, когда искал выход из нашей отчаянной ситуации перед лицом не вселяющих надежды перспектив. И хотя я пока не нашел решения и не мог предложить Йоханне, Минтту К, Эсе, Самппе и Кристиану план выхода из западни, в которую проваливался парк, во мне крепла уверенность, что мы выживем и на этот раз. Она основывалась как на моем личном опыте (в особенности недавнем), так и на очевидности фактов, которые я изложил конкурентам, сидевшим по другую сторону стола. Как мне показалось, я заставил их задуматься.

Нет смысла бояться математики.

Возможно, потому-то я не испугался и даже не удивился, когда заметил Олави, знакомого мне по «Сальто-мортале». Он следил за мной. Я расценил это обстоятельство как естественное и логичное следствие случившегося. Слежка не взволновала меня именно потому, что я был уверен: все в конце концов образуется. Разумеется, я никому ничего не сказал ни об Олави, ни о догоняющей меня волне. К появлению Олави я отнесся как к очередному неоспоримому доказательству всемогущества математики. Но в пятницу ве-

чером Лауре Хеланто удалось озадачить меня неожиданным вопросом:

– Как дела в парке? Похоже, блестяще, – ты все время такой довольный!

Вопрос заставил меня вздрогнуть. Мы сидели в гостиной на диване, Туули уже спала.

Двадцать минут назад мы устроились у телевизора. Честно говоря, за сюжетом сериала я следил не слишком внимательно и не смог бы сказать, о чем он, в чем вряд ли была вина его создателей. Меня переполняло чувство, что Лаура рядом, а я дома – да, эта квартира стала моим домом.

– Не знал, что это так заметно, – ответил я.

– Ты целый час обсуждал с Туули покупку мобильного телефона, что-то подсчитывал, Туули хохотала от восторга, как ловко ты считаешь в уме, да ты и сам смеялся – я вообще впервые вижу, что ты смеешься, когда считаешь. Потом ты играл с Шопенгауэром, наверное, целых полчаса его вычислял и все время улыбался. Сравнил мои новые наброски с вершинами творчества Писсарро, зная, что он один из моих самых любимых художников. Хотя наброски не имеют с Писсарро ничего общего.

Все сказанное было истинной правдой. Но сам я ничего этого не замечал.

– Ну, я...

– Или на твои чувства повлияло очарование новизны? – перебила Лаура.

Смена темы облегчила мое положение. Можно было говорить откровенно.

– Фактор новизны я бы исключил, – сказал я прямо. – Трудно назвать его решающим. Скорее, как раз наоборот. Я предположил бы, что чувство обладает кумулятивным эффектом, как я уже отмечал ранее. Начисление процентов на проценты по вкладу – вот наиболее точная аналогия.

Я ощущал взгляд Лауры на своем лице.

– Что мне с самого начала в тебе понравилось и заставило так в тебя влюбиться, так это твоя романтическая манера изъясняться, – наконец произнесла она и, наклонившись, поцеловала меня в ухо. – Ты ведь сразу рассказал бы мне, если бы в парке или где-то еще у тебя возникли серьезные проблемы? – прошептала она.

Ее губы двигались, едва касаясь меня, и каждое их прикосновение отзывалось дрожью. Я поймал себя на мысли, что думаю о гигантских размерах галактик, о возрасте космоса и Большом взрыве, произошедшем четырнадцать миллиардов лет назад, и об ускоряющемся расширении Вселенной.

– Если бы возникли серьезные проблемы, – отозвался я, – то сразу рассказал бы.

Утром в субботу Туули торопила меня с выходом из дома. Я заверил ее, что расчетных семнадцати с половиной минут на дорогу нам точно хватит, причем с поправкой на погодные условия и возможные дорожные работы.

Туули в шапке сидела на низкой табуретке в прихожей уже минут десять или даже одиннадцать и все это время говорила о граффити, о том, что это такое, об известных граффитистах, направлениях стрит-арта и многих других смежных вещах. Объем информации был внушительным, хотя форма изложения и акценты иногда удивляли.

Наконец я оделся, и мы вышли из дома.

Утро было ясным, безоблачным и безветренным, снег осел, ноги не скользили, шагалось легко. Я и раньше замечал, что именно в такие январские утра, с неярким светом, просачивающимся сквозь облака, и легким морозцем, приходят мысли о весне, до которой на самом деле еще далеко. Бывает, размечаешься, а потом вспомнишь, сколько впереди месяцев холода, снега, льда, слякоти, ветра и, конечно же, темноты. Туули не умолкала всю дорогу. Но ее разговоры никак не отвлекали меня от собственных мыслей. Когда две трети пути остались позади, я вдруг кое-что заметил.

За мной по-прежнему следил Олави.

Причем еще пристальнее...

Но теперь не только за мной: он следил за нами.

Я уже давно убедился в том, что предпринимательство в области парков приключений сопряжено со множеством опасностей и совершенно непредсказуемых вещей. А вот чего я пока не знал (да и не мог знать) – что этот бизнес в сочетании с только что созданной семьей представляет собой еще более серьезный вызов. Меня тревожил не Олави. А

то, что Туули может услышать от него что-нибудь такое, что впоследствии создаст проблемы. Это вывело меня из равновесия настолько, что я почувствовал, как во мне закипает ярость. С тех пор, как я решил не пускать проблемы парка приключений в свою семейную жизнь, я всеми силами старался держаться выбранной линии. А этот Олави со своими жидкими усиками и в толстом зеленом пуховике бесцеремонно нарушал установленные мной границы.

Но несмотря на раздражение, которое вызывали во мне Олави и те, кто его послал, я невольно радовался. В энтузиазме Туули, в ее уверенности было что-то заразительное. Мысль о том, что Туули сможет осуществить задуманное, добиться того, к чему страстно стремится, приятно будоражила.

Длинные прямые улицы промышленной зоны прекрасно просматривались, поэтому Олави приходилось держаться от нас поодаль, все больше отставая. Судя по всему, он не догадывался, что я знаю о слежке и тоже за ним поглядываю.

Нужное нам двухэтажное здание из красного кирпича стояло на второй от проезжей части линии застройки и на четверть выглядывало из-за автосалона, через который в него тоже можно было войти. Мы поднялись наверх – я пропустил Туули вперед – и оказались в зале, который тянулся по всей длине здания. Левая стена представляла собой практически одно огромное окно; одну половину правой, бетонной, покрывали граффити, а другая была серая и пустая. Дети со-

брались у чистой поверхности, рядом стояли какие-то молодые женщины, похоже, организаторы мероприятия, и что-то им говорили.

– Я пошла, – сказала Туули и умчалась, не дожидаясь ответа.

Я направился было к окну, чтобы выглянуть на улицу и посмотреть, как там Олави, когда передо мной словно из-под земли вырос Танели со своей внушительной бородой.

– Здорово! – сказал Танели.

– Доброе утро, – ответил я.

– Идем вниз, – предложил он, – первая партия уже началась.

Я бросил взгляд в сторону Туули – она как раз оглянулась. Я ткнул пальцем в пол, показывая, что собираюсь спуститься на первый этаж. Она кивнула и снова отвернулась. Вероятно, таким образом Туули подтвердила, что мое сообщение принято. В следующий момент Танели уже вел меня к двери. Мы спустились по бетонной лестнице на первый этаж, где кипели страсти куда более сильные, чем я мог предположить.

Первый этаж планировкой не отличался от второго. Судя по всему, тут еще не определились, под какие цели его использовать: пахло горячим металлом и промышленными химикатами, но в помещении было пусто, если не считать кучи коробок и хлама у входа. Стол для пинг-понга находился в дальнем конце зала. Хорошо, сразу отметил я, что игроков разделяет внушительное препятствие. Казалось, Са-

ми и Туукка по разные стороны стола настолько разошлись во мнениях по некоему вопросу, что даже не заметили нас с Танели, когда мы к ним подошли. Гигант Сами, вечный студент, изучающий социальную антропологию, был заметно более взволнован, чем при нашей первой встрече. Мы остановились в двух с половиной метрах от игрового стола, и в конце концов он обратил на нас внимание.

– Туукка опять жестит, – сообщил Сами.

– Играем до победы, – отозвался Туукка, не глядя на нас.

Что-то подсказывало мне, что он все же заметил наше приближение, но никак этого не показывал. Он напоминал рысь – сосредоточенную, собранную, готовую к прыжку.

– Классный выходной, можно по-настоящему расслабиться, – сказал Сами, – пока соперник целится мячиком тебе в физиономию.

– Я целюсь только по столу, – возмутился Туукка.

– Я не это имел в виду, – стал оправдываться Сами. – Просто в субботу как-то хочется расслабиться. Это все, конечно, очень весело и...

– Это турнир, – сказал Туукка. – Сначала отборочный матч, потом полуфинал и, наконец, финал.

– Что, если я уступлю свое место прямо сейчас, на стадии отборочного матча? – предложил Сами.

– Так нельзя, – отрезал Танели.

– Почему это?

– Турнирная таблица, – объяснил Танели.

– Ну, может быть, не все так серьезно к этому относятся? – не унимался Сами. – И не все тут бывшие спортсмены....

– Бывшие? – переспросил Туукка.

Он как-то весь подобрался и стал еще больше похож на рысь. Я подумал, что если пустить дело на самотек, то несчастный зайчик вскоре окажется у рыси в зубах.

– Ладно, – сказал Танели, – остыньте, парни. У нас тут новый член.

– Член? – вырвалось у меня прежде, чем я успел осмыслить слова Танели.

Мужчины повернулись ко мне.

– Член нашего клуба, *Dads Club*! – воскликнули все трое.

Я уже собрался возразить – и наконец прояснить ситуацию, – что, собственно говоря, никуда не вступал и что это какое-то недоразумение, но промолчал. Глянул в окно и краем глаза заметил знакомый зеленый пуховик – на углу, у автосалона. Произведя короткий расчет, я принял решение.

– Отлично, – произнес я. – Глотну свежего воздуха перед началом партии.

Мой ответ, похоже, понравился всем троим. Когда я вернулся к двери, до моих ушей долетело, что подача перешла к Сами. Прежде чем взяться за ручку, я на мгновение остановился. У двери были сложены коробки, которые, судя по содержимому, застряли тут по пути на второй этаж. Часть коробок была открыта. Поскольку впереди меня ждала неизвестность, я подумал, что неплохо бы к ней хоть как-нибудь

подготовиться. Решение родилось мгновенно. Когда я выходил на улицу, в правом боковом кармане у меня уже лежал баллончик с краской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.